

DOI 10.35775/PSI.2025.114.2.037

УДК 327

А.М. ШАРАПОВ

аспирант кафедры международных
отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского)
федерального университета, Россия, г. Казань
E-mail: antonsharapov01@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0008-6904-2977>

«ОСТРАЯ СИЛА» ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ США В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. ТРАМПА

Данная статья посвящена исследованию применения концепции «острой силы» в цифровой дипломатии США в отношении России в период президентства Дональда Трампа. Автор анализирует теоретические основы острой силы, ее отличия от традиционной «мягкой силы», а также особенности цифровой дипломатии администрации Трампа. В работе подробно рассматриваются конкретные примеры использования США и их союзниками различных стратегий острой силы против России, включая кибератаки, информационные кампании в социальных сетях, экономическое давление через санкции, а также поддержку оппозиционных и гражданских структур. Автор анализирует, как эти меры воздействовали на российскую политическую систему и общественное мнение. Особое внимание уделяется ответным действиям российского государства, направленным на укрепление цифрового суверенитета и защиту от внешнего информационного влияния. Рассматриваются такие меры, как принятие законодательства о «суверенном интернете», развитие отечественных IT-технологий и платформ, а также усиление кибербезопасности. В заключение делается вывод о том, что использование острой силы в цифровой дипломатии при администрации Трампа существенно обострило российско-американские отношения и вынудило Россию предпринимать ответные шаги для защиты своих национальных интересов в условиях нарастающей геополитической конкуренции.

Ключевые слова: острая сила, мягкая сила, Трамп, цифровая дипломатия, кибербезопасность.

Введение. В последние десятилетия международные отношения претерпели значительные трансформации под влиянием стремительного развития цифровых технологий. В этом контексте особое внимание исследователей привлекает концепция «острой силы», которая становится все более актуальной в условиях глобальной политической нестабильности. В отличие от традиционной «мягкой силы», основанной на культурном и идеологическом влиянии, острая сила предполагает использование манипулятивных и агрессивных методов воздействия, направленных на подрыв политических систем и общественного мнения

в целевых странах. Данная статья посвящена исследованию применения острой силы в цифровой дипломатии Соединенными Штатами Америки и их союзниками по отношению к Российской Федерации в период правления администрации Дональда Трампа.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современных международных отношениях цифровые технологии становятся не только инструментом коммуникации, но и ареной геополитического противостояния. Администрация Трампа характеризовалась неоднозначным подходом к внешней политике, что создало предпосылки для активного использования острой силы в ее цифровом измерении. Взаимодействие с Россией в этот период приобрело особую значимость, учитывая обострение двусторонних отношений и усиление санкционного давления. Также, учитывая переизбрание Д. Трампа на должность президента, изучение методов его публичной дипломатии является актуальной темой для идентификации будущих трендов и понимания возможных нововведений с приходом новой администрации США. Целью настоящей работы является анализ стратегий и инструментов острой силы, применяемых США и коллективным Западом в отношении России, а также оценка их воздействия на российскую политическую и общественную среду.

Задачи исследования включают в себя: определение теоретических основ концепции острой силы и ее отличий от мягкой силы; изучение особенностей цифровой дипломатии при администрации Трампа; анализ конкретных примеров использования острой силы против России; а также рассмотрение ответных мер, предпринимаемых российским государством. Настоящая работа стремится внести вклад в развитие научного дискурса о роли цифровых технологий в современной дипломатии и расширить понимание механизмов геополитического взаимодействия в условиях глобальной неопределенности.

Методы и материалы. Для достижения поставленных целей и задач в данной статье применяются разнообразные методы исследования, которые позволяют комплексно изучить феномен острой силы в контексте цифровой дипломатии. Во-первых, используется теоретический анализ, который включает в себя изучение научной литературы и концептуальных подходов к пониманию острой силы и ее отличий от мягкой силы. Во-вторых, применяется метод контент-анализа, который позволяет детально исследовать медийные и цифровые источники, используемые США и их союзниками для воздействия на российскую аудиторию. В-третьих, используется сравнительный метод, который помогает выявить различия и сходства в стратегиях цифровой дипломатии разных стран в отношении России. Наконец, для оценки ответных мер со стороны России применяется метод анализа политических документов и официальных заявлений, что способствует пониманию стратегии российского государства в условиях внешнего давления. Эти методы в совокупности обеспечивают всесторонний подход к исследованию и позволяют получить обоснованные выводы о роли острой силы в современной международной политике.

Результаты исследования. В последние десятилетия концепция «мягкой силы», разработанная Джозефом Найем, стала неотъемлемой частью анализа международных отношений, предлагая понимание того, как государства могут добиваться своих целей посредством привлекательности и убеждения, а не принуждения [19]. Однако с развитием цифровых технологий и изменением глобального политического ландшафта возникла необходимость пересмотра традиционных подходов к применению власти. В этом контексте концепция «острой силы» стала важным инструментом для описания новых форм влияния, которые используют дезинформацию и манипуляцию общественным мнением через цифровые платформы [23].

Острая сила, в отличие от мягкой, направлена на подрыв доверия к демократическим институтам и создание хаоса в информационном пространстве. Важным аспектом этой концепции является использование цифровых технологий для распространения недостоверной информации и создания альтернативных нарративов, которые могут ослабить позиции противника на международной арене. Таким образом, острая сила становится мощным инструментом в арсенале государств, стремящихся усилить свое влияние без прямого военного вмешательства. Данный термин приобретает особую актуальность в контексте эскалации противостояния между коллективным Западом и странами, которые принято относить к нелиберальным демократиям или «авторитарным» режимам в западном истеблишменте. Важно учитывать, что технологии «острой силы» могут применяться всеми акторами международных отношений вне зависимости от их политического режима [7].

Цифровая эпоха предоставила новые возможности для применения острой силы, что особенно ярко проявилось в политике США при администрации Дональда Трампа. Использование социальных медиа и других цифровых платформ для распространения политических сообщений и воздействия на общественное мнение стало ключевым элементом стратегии острой силы [21]. Эти технологии позволяют государствам осуществлять скрытое воздействие на политические процессы в других странах, что делает их особенно привлекательными для использования в условиях нарастающей геополитической напряженности. Цифровая дипломатия при администрации Дональда Трампа представляет собой уникальный феномен в контексте международных отношений, где акцент на использование цифровых технологий и социальных медиа стал ключевым элементом внешнеполитической стратегии. В отличие от традиционных методов дипломатии, цифровая дипломатия при Трампе характеризовалась непосредственным и зачастую непредсказуемым использованием платформ, таких как Twitter, для коммуникации с международной аудиторией. Этот подход позволил администрации не только оперативно реагировать на глобальные события, но и формировать общественное мнение как внутри страны, так и за ее пределами.

С другой стороны, существует мнение о том, что в период правления Д. Трампа публичная дипломатия США переживала серьезный кризис, что негативно

отразилось на репутации Вашингтона на мировой арене. Одним из ключевых факторов, способствовавших деградации американской публичной дипломатии, стало усиление роли Пентагона в этой сфере. На фоне общего ослабления гражданской публичной дипломатии, осуществляемой Государственным департаментом и Агентством по глобальным медиа, центр тяжести переместился в сторону пропагандистской машины Министерства обороны. Последнее сконцентрировалось на противодействии дезинформации, которая, по мнению Пентагона, исходила в первую очередь от России и Китая. Ярким примером усиления «острой силы» цифровой дипломатии США при Трампе стала деятельность Майкла Пэка, назначенного генеральным директором Агентства США по глобальным медиа. Пэк предпринял ряд скандальных шагов, направленных на переориентацию агентства в сторону пропаганды и борьбы с «дезинформацией» из-за рубежа. Первым делом Пэк оттеснил все верхушки власти подведомственной им структуры – руководителей спонсируемых правительством вещательных сетей для иностранной аудитории, которые курирует его агентство, включая Радио Свободная Европа / Радио Свобода; Радио Свободная Азия; Управление вещания Кубы, которое курирует радио и телевидение Марти; и Ближневосточные вещательные сети, которые управляют Альхуррой и Радио Сава. Крепче всего Пэк совместно с Трампом взялись за VOA (Voice of America), устанавливая контроль всей данной структуры вплоть до выдачи виз, критериев найма сотрудников [22]. Его действия вызвали негодование как у политических оппонентов, так и у экспертного сообщества, что в итоге привело к его отставке после прихода к власти администрации Д. Байдена [16]. В конечном счете, в период президентства Трампа публичная дипломатия США все больше смещалась в сторону «острой силы» – пропаганды, контрпропаганды и информационного противоборства с оппонентами Вашингтона, в первую очередь с Россией, а также смещая инструменты «мягкой силы» на второй план.

Одним из наиболее заметных примеров применения острой силы США против России является кампания по разоблачению и противодействию российским кибератакам и вмешательству в выборы. В 2018 году Министерство юстиции США предъявило обвинения 12 сотрудникам ГРУ в связи с хакерскими атаками на серверы демократической партии и офиса президентской кампании Хиллари Клинтон во время президентских выборов 2016 года. Заместитель генерального прокурора США заявил на слушаниях что злоумышленники использовали несуществующие личности «DCLeaks» and «Guccifer 2.0» для раскрытия в интернете тысяч писем. Кроме того, обвинение пришло к выводу что хакеры намеревались взломать компьютеры избирательных комиссий штатов и программное обеспечение для голосования [18]. Проблема состояла в том, что даже сама попытка вмешательства в выборы Соединенных штатов извне вызывала бурный резонанс во всех слоях общества, что легко можно было использовать для усиления агрессивной позиции против России. Руководство Российской Федерации логично назвало эти обвинения бездоказательными «слухами». Как отметил С.В. Лавров: «Мы не видели ни одного факта, ни одного доказательства» [17]. Таким образом,

эти действия были частью более широкой стратегии, направленной на «демонизацию» российского режима и укрепление антироссийского консенсуса среди западных союзников.

Кроме того, США и их европейские партнеры активно использовали санкции как инструмент экономического давления, что также можно рассматривать как элемент острой силы. Санкции, введенные после событий в Крыму и на востоке Украины, были направлены на ослабление экономического потенциала России и создание внутренних социально-экономических трудностей. В сочетании с информационными атаками, эти меры должны были поспособствовать, по мнению запада, формированию негативного имиджа России на международной арене. Стоит отметить, что данные методы острой силы имели определенную систематизацию. Во-первых, западные СМИ пытаются персонализировать действия России соотнеся с личностью президента В.В. Путина. В таком случае любые предпринятые действия по изменению имиджа страны оказываются в орбите восприятия личности президента, что, несомненно, создает дополнительные трудности. Второй пункт вытекает из первого – медийному удару подвергается политическая элита России под предлогом «наказания приближенных». Так только за один 2018 год при Трампе США расширили санкции против российских оборонных структур [4], а также ввели персональные санкции еще 38 крупным бизнесменам, политическим деятелям [9] и даже против компаний, которые участвовали в строительстве Крымского (Керченского) моста. Подобные действия, по мнению западных партнеров, должны разделить политическую и бизнес элиты России, а также под прикрытием инфо-поводов обосновать очередные экономические санкции [13]. Кроме-того, важную роль в стратегии острой силы играли также программы поддержки гражданского общества и независимых СМИ в России. Через различные фонды и неправительственные организации Запад стремился укрепить «демократические» институты и стимулировать общественные движения, которые могли бы выступать прокси-фундаментом против политики Кремля. Один из таких фондов – Национальный фонд в поддержку демократии* (NED), получающий финансирование в том числе и за счет Госдепартамента США, только за 2019 год потратил около \$1 млн на поддержку либеральных СМИ, активистов и поощрение исторических дискуссий на тему политических репрессий. Учитывая вышеизложенное, стратегия США и их союзников основывалась на комплексном подходе, включающем кибератаки, экономическое давление и поддержку гражданских инициатив. Эти меры имели цель не только сдерживание активной российской внешней политики, но и создание условий для внутренней дестабилизации, что должно было ослабить позиции России на международной арене [6].

В период президентства Дональда Трампа международные отношения между США и Россией характеризовались значительным напряжением, что было обусловлено не только традиционными дипломатическими разногласиями, но и активным использованием острой силы. Этот феномен, подразумевающий целенаправленное воздействие на политические процессы и общественное

мнение в другой стране посредством цифровых технологий, стал важным инструментом внешнеполитической стратегии США. Одним из ярких примеров применения острой силы в отношении России стала кампания по дискредитации российских властей через социальные медиа. В частности, американские структуры активно использовали платформы, такие как Facebook и Twitter, для распространения информации, направленной на подрыв доверия к российским институтам власти. Одним из ярких примеров является твиттер-аккаунт @USApoRusski который представляет собой прямой ретранслятор пропагандистской машины Государственного департамента США. Все сообщения в данном аккаунте в своей совокупности носят осуждающе-информационный характер и являются методическим подспорьем для оппозиционных структур в их лозунгах. Стоит отметить, что аккаунт ведется целым подразделением специалистов, учитывая всестороннюю направленность сообщений о внутриполитических событиях в России и других странах. Так, например, твит от 05.05.2019 года описывал субъективные осуждения Госсекретаря США Майка Помпео об якобы существующих преследованиях крымских татар в России [3]; сообщение от 08.08.2019 ежегодное заявление Госдепартамента о поддержке Грузии против «российской оккупации» [2]; пост от 19.02.2020 о введении санкций против российской Rosneft Trading S.A., помогающей, по мнению США, президенту Венесуэлы Мадуро обходить санкции нефтяного сектора [1]. Кроме того, для продвижения острой силы также используются официальные аккаунты посольств, консульств, государственных и неправительственных структур. Для достижения своих целей Госдепартамент разработал отдельный блок инструкций в Foreign Affairs Manual [12] для дипломатов США, описывающий способы использованию социальных сетей для достижения целей внешней политики США. Посольство США также курирует собственный канал на Facebook – U.S. Embassy Moscow [10], пытаясь затронуть как можно большее количество точек контакта с российским истеблишментом. Суммируя значение опубликованных материалов на упомянутых площадках, создается четкое мнение о пропагандистской направленности цифровой дипломатии Вашингтона и ее отходе от мягкой силы [20].

Кроме того, влияние острой силы проявилось в кибератаках на критически важные инфраструктуры России. Эти атаки, зачастую приписываемые западным государствам, приводили к временной дестабилизации работы ключевых систем, что негативно сказывалось на экономике и безопасности страны. По инициативе руководителя АНБ и Киберкомандования генерал-лейтенанта Пола Накасоне в Вашингтоне разработали стратегию под названием «Достижение и поддержание превосходства в киберпространстве», согласно которой военные каждые сутки проводят идентификацию и выведение из строя любых возможных угроз в зарубежных сетях или серверах. Кроме того, на основе данной стратегии Пентагон начал разработку новой системы кибербезопасности «Объединенная платформа», которая по планам ее создателей будет отвечать не только за защиту важной инфраструктуры США от хакерских атак, но и вести наступательные онлайн-операции [5]. В 2019 году вышла скандальная

статья New York Times о попытках спецслужб США усилить попытки по хакерским атакам в отношении энергетического сектора России. Несомненно, президент США опроверг эти тезисы и назвал авторов «врагами народа», но Служба внешней разведки уже заявила об своей осведомленности о данных попытках, что послужило неким катализатором усиления кибер-противостояния между США и Россией [8]. Ответом России на данные вызовы стало усиление кибербезопасности и развитие собственных технологий для противодействия информационным атакам. Российское правительство также предприняло шаги по ограничению доступа к определенным иностранным интернет-ресурсам, что было воспринято как мера защиты от внешнего вмешательства [11].

Таким образом, использование острой силы в отношении России в период правления Дональда Трампа имело значительные последствия для внутренней политики и безопасности страны. Эти действия не только обострили двусторонние отношения, но и подчеркнули необходимость для России адаптироваться к новым вызовам в области цифровой дипломатии. В условиях нарастающего применения острой силы, направленного на Россию со стороны США и их союзников, российское правительство предприняло ряд стратегических шагов для защиты национальных интересов и обеспечения суверенитета в цифровом пространстве. Одной из ключевых мер стало принятие законодательства, направленного на усиление контроля за интернет-пространством и предотвращение внешнего вмешательства. Закон о «суверенном интернете», принятый в 2019 году, предусматривает создание национальной инфраструктуры, которая обеспечивает автономную работу российского сегмента интернета в случае отключения от глобальной сети. Это решение было мотивировано необходимостью защиты от потенциальных кибератак и попыток дестабилизации внутренней обстановки. Кроме того, Россия активизировала развитие собственных технологий и платформ, чтобы уменьшить зависимость от западных IT-компаний. Так в июле 2020 году был принят законопроект «О налоговом маневре в IT-отрасли», начиная с 1 января 2021 года, благодаря чему отечественные компании в сфере информационных технологий получили большое количество налоговых льгот при ведении бизнеса [14]. Примером может служить продвижение отечественных социальных сетей и мессенджеров, таких как «ВКонтакте» и «Телеграм», которые не только конкурируют с зарубежными аналогами, но и обеспечивают более высокий уровень контроля за информационными потоками внутри страны. Важным аспектом стало также усиление кибербезопасности: российские органы безопасности регулярно проводят учения и разрабатывают новые протоколы для защиты критической инфраструктуры от кибератак [15].

Эффективность этих мер неоднозначна и вызывает дискуссии среди экспертов. С одной стороны, они действительно способствуют укреплению цифрового суверенитета и повышению уровня кибербезопасности. С другой стороны, такие меры могут ограничивать свободу слова и доступ к информации, что вызывает критику как внутри страны, так и за ее пределами. Тем не менее, в условиях глобальной нестабильности и нарастающей конкуренции в киберпространстве,

Россия продолжает следовать выбранной стратегии, стремясь минимизировать риски воздействия острой силы на свою внутреннюю политику и общество.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в период президентства Дональда Трампа Соединенные Штаты Америки и их союзники по коллективному Западу активно использовали концепцию «острой силы» в отношении Российской Федерации в контексте цифровой дипломатии. В отличие от традиционной «мягкой силы», основанной на культурном и идеологическом влиянии, острая сила предполагает применение манипулятивных и агрессивных методов воздействия, направленных на подрыв политических систем и общественного мнения в целевых странах.

Цифровые технологии, включая социальные медиа и киберпространство, стали ареной геополитического противостояния, что особенно ярко проявилось в период правления администрации Трампа. Стратегии острой силы, применяемые США и их союзниками, включали в себя кибератаки на критически важную инфраструктуру России, распространение дезинформации и манипуляцию общественным мнением через цифровые платформы, а также использование экономических санкций и поддержку оппозиционных гражданских инициатив. Эти меры были направлены на ослабление позиций России на международной арене и создание условий для внутренней дестабилизации. В ответ на данные вызовы Российская Федерация предприняла ряд шагов по укреплению цифрового суверенитета и повышению уровня кибербезопасности. Принятие законодательства, направленного на ограничение доступа к иностранным интернет-ресурсам и развитие отечественных технологических платформ, стало ключевым элементом стратегии противодействия острой силе. Несмотря на неоднозначность оценок эффективности этих мер, они свидетельствуют о стремлении российского государства адаптироваться к новым вызовам в области цифровой дипломатии и обеспечить защиту национальных интересов в условиях обострения геополитического соперничества.

Таким образом, исследование роли острой силы в цифровой дипломатии США в отношении России при администрации Трампа демонстрирует значительную трансформацию международных отношений под влиянием стремительного развития технологий. Данная тема представляет собой важное направление для дальнейшего научного анализа, поскольку понимание механизмов применения острой силы имеет ключевое значение для обеспечения стабильности и безопасности в глобальном информационном пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аккаунт Госдепартамента США на русском языке в Twitter от 19 февраля 2020 г. // <https://x.com/usaporuski/status/1229999065724866560?s=46&txh3o3K5UcEHDxrPIuhD5lA>.

2. Аккаунт Госдепартамента США на русском языке в Twitter от 8 августа 2019 г. // <https://x.com/usaporuski/status/1159542348273127426?s=46&t=xh3o3K5UCeHDxrPIuhD5lA>.
3. Аккаунт Госдепартамента США на русском языке в Twitter от 5 мая 2019 г. // <https://x.com/usaporuski/status/1124931893848354816?s=46&t=xh3o3K5UCeHDxrPIuhD5lA>.
4. **Джумайло А.** США ввели санкции против российских оборонных структур // <https://www.kommersant.ru/doc/3623786>.
5. **Зинченко А.** Мир или война в киберпространстве? // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-ili-voyna-v-kiberprostranstve/>.
6. **Миронов В.** Поддержка «активистов» и нужных СМИ: на какие проекты в РФ американский фонд потратил около \$1 млн в 2019 году // <https://russian.rt.com/world/article/696122-ned-fond-ssha-granty-rossiya>.
7. **Наумов А.О., Белоусова М.В.** «Острая сила»: критический анализ в современном научном дискурсе // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4.
8. **Никольский А.** СВР знает о новых планах кибератак на Россию // <https://ria.ru/20190618/1555655168.html>.
9. **Новый В.** США расширили черный список россиян // <https://www.kommersant.ru/doc/3597515>.
10. Официальная страница Посольства США в России // https://www.facebook.com/russia.usembassy/?checkpoint_src=any.
11. **Попов М.В., Мамаева Л.Н.** Кибербезопасность как элемент национальной безопасности России // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2019. № 5 (79) // <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-kak-element-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii>.
12. Руководство по международным делам: Общественные, образовательные и культурные вопросы // Сайт Госдепартамента США // <https://fam.state.gov/Volumes/Details/10FAM>.
13. **Сдельников В.А.** Структура негативного имиджа России в западной периодике // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 2А.
14. Федеральный закон от 31.07.2020 № 265-ФЗ (ред. от 23.11.2020) «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45761>.
15. **Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А.** Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 2.
16. **Шур Е.А.** Президентство Д. Трампа (2017-2021 гг.): закат американской публичной дипломатии? // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 2.
17. **Щербак А.** Лавров назвал «трепотней» бездоказательные обвинения во вмешательстве РФ в выборы в США // <https://tass.ru/politika/4968628>.

18. **Farivar M.** US Charges 12 Russians With Conspiracy to Interfere in '16 Election // <https://www.voanews.com/a/russians-accused-of-hacking-democrats-in-2016-election/4481542.html>.
19. **Nye J.S.** «Soft Power» // Foreign Policy. 1990. No. 80.
20. **Rid T.** Active Measures: The Secret History of Disinformation and Political Warfare // Studies in Intelligence. 2020. Vol. 64. No. 1 // <https://www.cia.gov/resources/csi/static/active-measures-and-information-wars.pdf>.
21. **Schillemans T.** The hybrid media system: Politics and power // Public Administration. 2014. Vol. 92. No. 4.
22. **Trump's New Foreign Broadcasting CEO Fires News Chiefs, Raising Fears Of Meddling** // <https://www.npr.org/2020/06/18/879873926/trumps-new-foreign-broadcasting-ceo-fires-news-chiefs-raising-fears-of-meddling>.
23. **Walker C. & Ludwig, J.** The Meaning of Sharp Power: How Authoritarian States Project Influence // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>.

А.М. SHARAPOV

PhD student at the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
<https://orcid.org/0009-0008-6904-2977>

THE «SHARP POWER» OF US DIGITAL DIPLOMACY TOWARDS RUSSIA DURING THE FIRST PRESIDENCY OF D. TRUMP

This article examines the use of the concept of «sharp power» in US digital diplomacy towards Russia during the presidency of Donald Trump. The author analyzes the theoretical foundations of sharp power, its differences from traditional «soft power», as well as the specifics of the Trump administration's digital diplomacy. The work examines in detail specific examples of the use of various sharp power strategies by the United States and its allies against Russia, including cyberattacks, information campaigns on social networks, economic pressure through sanctions, and support for opposition and civil society structures. The author analyzes how these measures affected the Russian political system and public opinion. Particular attention is paid to the response of the Russian state aimed at strengthening digital sovereignty and protection from external information influence. Such measures as the adoption of legislation on the «sovereign Internet», the development of domestic IT technologies and platforms, as well as strengthening cybersecurity are considered. In conclusion, it is concluded that the use of sharp power in digital diplomacy under the Trump administration has significantly exacerbated Russian-American relations and forced Russia to take countermeasures to protect its national interests in the context of increasing geopolitical competition.

Key words: sharp power, soft power, Trump, digital diplomacy, cybersecurity.